

День третий. Понедельник

События третьего дня вновь возвращают читателя в Бедроградский Государственный Университет, а потому не таят в себе решительно ничего неожиданного.

Кафедральное революционное чучело выступает в роли Метелина. Погода ветреная. Переменная облачность.

Глава 4. Варианты решения типовых задач Университет. Попельдопель

Дано:

— Дмитрий Ройш — это я, — изрёк Дима с лицом человека, выдающего страшную тайну. — Согласитесь, блистательная конспирация. С учётом того, что моей настоящей фамилией названа аж вакцина от чумы, я решил, что это как-то слишком броско и надо выбрать что-нибудь поскромнее, не привлекающее

внимания.

Попельдопель не успел определиться, стоит ли на это заржать или покачать головой, как с языка уже слетело:

— Каждый второй спрашивал, не родственники ли вы, или таки каждый первый?

— Каждый, кто не боялся узнать страшную правду о наследии Ройшей, — пока Дима говорил, Попельдопель ещё раз внимательно изучил его облик на предмет ройшеватости и пришёл к выводу, что за страшную дезинформацию о наследии того можно было бы ещё раз

посадить. Особенно за кричащие страшным дезинформирующим голосом бирюзовые подтяжки.

— Так я эмпирически выяснил, что, оказывается, в честь моего университетского друга назвали чувака, который сделал Революцию.

— В смысле? — не сообразил Попельдопель.

Дима, конечно, способен обозвать собственноручно сделанную иммунную сыворотку вакциной от чумы, но «не знал чуваков из Революционного Комитета и назвался для конспирации Ройшем» — это уже перебор, что для безграмотности, что для хорошей шутки.

— У меня было тяжёлое детство. Я никогда не учил Революцию, — сурово всхлипнув, пояснил конспиратор.

Сейчас (чтобы ничего не забыть и не перепутать) самое время вернуться бы к осмысленной беседе про эпидемии, расследования и дурацкую большую политику, но Попельдопеля *зацепило*.

— Так же не бывает! Или бывает... Но из отрядов не выпускают без зачёта по Революции. И вообще, подожди, тебе же уже — сколько? — лет тридцать!

— Двадцать девять, — Дима возмутился, — как Ройшу. И да, не выпускают, поэтому я сбежал.

— Вот оно что, — дошло вдруг до Попельдопеля, — так у тебя богатый опыт побегов из учреждений по принуждению к деятельности.

Дима серьёзно кивнул:

— Всё что угодно, лишь бы не трудиться.

— Попельдопель, ты ведёшься как первокурсник, — оторвался от важного дела собирания сруба из пробирок Гуанако, ещё один оживший покойник. — Он тебе прямо сейчас своими ройшами зубы заговаривает, лишь бы не трудиться. А у нас у всех чудовищно мало времени.

Время. Попельдопель поморщился.

Скорость распространения заражения в населённом пункте с таким-то количеством жителей в таком-то сезоне с учётом способа передачи инфекции — типовая задачка с госа для выпускников кафедры вирусологии, ничего сложного. То есть это на госе ничего сложного, в билете обычно какое-нибудь абстрактное село с сотней изб (абстрактные срубы из пробирок!) или промышленный городишко с одним консервным заводом, а вот на консультациях Попельдопель, завкаф этой

самой вирусологии, иногда до вечера считал со своими выпускниками заражение по Бедрограду.

Досчитались.

— Ах да, трудиться, — Дима забрался в кресло с ногами. — Леший, с какой же стороны начать? В общем, ночью мне из Столицы позвонил Шапка и сказал, что, возможно, у нас в городе настоящая эпидемия.

— Ммм, — ответил Попельдопель. Высказыванию не хватало экспрессии, но он опять открыл рот раньше, чем успел определиться, должно ли это быть «эммм», «уммм» или «мэээ». — Подожди. Если Максим с гэбней перекрыли всё к лешему в подвале Ройша, то откуда взяться эпидемии?

Одна из пробилок в основании сруба угрожающе покачнулась. Очень символично.

— Из других, никем не перекрытых подвалов. Вчера к Шапке с дружеским визитом заезжал очередной Александр и обмолвился, что если бы Бедроградская гэбня захотела три мешка вируса, она бы поимела три мешка вируса. С бантиком в придачу, — Дима о чем-то задумался, а Попельдопель задумался, что такое «очередной Александр». Сейчас не переспросит — забудет ведь. — И портовые ребята решили наудачу этот самый бантик поискать. Не поверите, нашли. Целый склад расчудесных бантиков.

— Целый склад — это предположение. Непроверяемое, — вмешался Гуанако. Если крыть этот его сруб горизонтальной крышей, как раз получится склад. — У Бедроградской гэбни есть свои заповедные территории, о которых только в Порту и знают. В Порту вообще всё знают. В ночи, то есть уже после подвала Ройша, был рейд по этим самым территориям, — да, Попельдопель и сам заметил мешки под гуанаковскими глазами. — Запалили шибко бдительную охрану в паре мест и одного курьера. У курьера увели образец груза прямо из сумки — хорошим карманникам навыки взлома складов ни к чему. Ну, в общем, это вирус. Столько, сколько нужно на один дом при заражении через водопровод. А у курьера была сумка на плече и склад за спиной, хотя на складе, с точки зрения здравого смысла, не один сплошной вирус, а какие-нибудь там залежи лекарства. Целый склад вируса — даже для них как-то слишком.

— Склад не склад, всё равно много, если целая сумка только у курьера. И вряд ли Бедроградская гэбня собирается поставить вирус на полочку и любоваться. Куда разумнее закинуть его в какое-нибудь неожиданное место — например, в подвал *не к Ройшу*, — Диме вся эта обеспокоенность определённно не к лицу, и уж тем паче не к подтяжкам. — А значит, в чрезмерно хорошо обозримом будущем нас ожидает эпидемия.

Всё это как-то неправильно. Попельдопель почувствовал себя дураком-оптимистом: приходят к тебе с утра на кафедру два покойника, триумфальное возвращение которых в Бедроград ты пропустил, потому что как раз в мае ловил леший знает где комаров-переносчиков столбнячного пихтского бешенства. Оба мёртвые, нелегальные и похорошевшие со времён своих трагических исчезновений. И вместо весёлых историй о смертях, посмертиях и воскрешениях рассказывают тебе, что в городе эпидемия.

Эпидемия. Все помрут, и работать будет некому.

— Ммм, — ответил Попельдопель, и на этот раз это было именно «ммм». Суровое, недовольное, осуждающее «ммм». — Ну как можно, кто всем этим вообще занимался, у кого хватило мозгов заварить кашу и не обратиться сразу к университетским медикам, ко мне лично, ну что это такое!..

В самом деле, кому и зачем пришло в голову устраивать все эти сложные многоходовые хитрости, которые оборачиваются эпидемией? Неужели нельзя было как-нибудь попроще?

Впрочем, Попельдопель спрашивал из любви к искусству диалога, а не на самом деле. На самом деле и так ясно, кому и зачем. Как полуслужащему под началом Университетской гэбни, да ещё и стабильно проводящему на кафедре истории науки и техники один из шести рабочих дней, Попельдопелю всё это было как-то даже *слишком* ясно.

Гэбня хочет деятельности, может, даже правильно хочет, гэбня начинает деятельность, командует Максим, потому что Максим хорошо командует и мозги у него есть. А ещё у него есть Онегин. Габриэль, батюшку его, Евгеньевич.

И как только приходит (приползает под тяжестью груза собственного существования!) Онегин, вся деятельность идёт прахом. Времени командовать у командира не остаётся. Сколько раз уже было, сил никаких нет. Максиму докторскую защитить некогда со всей этой вознёй при страждущем, а уж в гэбне сидеть...

Поэтому чего бы там гэбня ни собиралась, всё равно всё явно пошло не так. И явно из-за глупостей, можете даже не пытаться переубедить Попельдопеля.

— Вопрос не в том, кто виноват, а в том, что теперь со всем этим делать, — мрачный-мрачный Дима тоже может не пытаться. Хотя он и не пытается, кажись. — Я вижу стоящую перед нами проблему следующим образом: у Бедроградской гэбни есть до жопы лекарства, но они не собираются его использовать — то есть собираются, но только тогда, когда мы будем уже кругом виноватыми. А у нас есть яростное желание всех — включая свою репутацию — спасти, но нет лекарства. Идеальным решением было бы взяться за руки и подружиться, но мне почему-то кажется, что это может и не сработать.

Лекарство. Попельдопель в очередной раз посмотрел на Димину пожеванную бумажку с формулой. Снял очки. Не помогло. Так и так для производства лекарства в количестве, высчитываемом по типовой задачке с госа про скорость распространения заражения, нужна аппаратура, которой на медфаке нет.

На медфаке много чего есть, Попельдопель не жалуется, много чего можно для медфака попросить, благо Попельдопель учился на одном курсе с одним из голов Медицинской гэбни, а значит, может клянчить прямо у Столицы. Много чего — но не, леший вас всех заберите, аппаратуру для синтеза крови *в промышленных объёмах!*

Тот самый случай, когда значение имеет именно что размер. Медфаку такая аппаратура не нужна, подобный запрос в здравом уме не объяснишь, а даже если и объяснишь, на оформление-транспортировку-установку времени уйдёт уйма, а скорость распространения заражения из типовой задачки...

— Гуанакто, — Попельдопель подумал, что если уж покойники оживают, ими просто-таки грешно не воспользоваться по назначению. — Раз у тебя загар, тельняшка и фальшивые документы, значит, ты торчишь

в Порту. Так пойдёшь и сопри лекарство прямо у Бедроградской гэбни, если вы даже склады уже нашли. Ты же умеешь.

Загар, тельняшка и серьга в ухе.

Покойник Гуанако при жизни отличался... отличался и много раз, короче говоря. У него — помимо самодовольной ухмылки и объёмистого собрания сочинений — были ещё и криминальные связи. Едва ли не с отрядского возраста, дело давнее, а давних дел в подробностях Попельдопель обычно не помнит. Зато помнит промышленные объёмы говна, на которые изошла наркотическая инфраструктура медфака, когда основным университетским поставщиком травы ни с того ни с сего стал истфак.

Это «ни с того ни с сего» Попельдопель знал в лицо ещё до всякого говна, потому что не только заведовал кафедрой на медфаке, но и читал модули по истории медицины на истфаке. «Ни с того ни с сего» в студенческом возрасте являло собой грозу всего живого и прогрессивного с переизбытком собственного мнения — спасибо хоть не в вопросе истории медицины, а то превратились бы экзамены в массовый скандал. Потом особое мнение увело Гуанако подальше от Университета, аж в армию (говорят), а потом привело обратно, в аспирантуру и преподавательский состав, где они с Попельдопелем вроде как познакомились, а на самом деле — страшно обрадовались встрече.

Золотое было время, без дурацкой политики и эпидемий.

— Спереть со склада нельзя. Мы уже думали об этом, — потряс лохматостью Дима (видимо, подразумевалось озабоченное покачивание головой), — но не покатит. Информация, информация! Мы начинаем и выигрываем только потому, что знаем об их планах, а они о наших нет. Ограбь склад — и идиот догадается, что что-то нечисто. А Бедроградская гэбня, к сожалению, ещё и не идиоты. Скрытность и загадочность должны быть нашими вторыми именами. Ну, вторым и третьим, видимо.

— Не говоря уже о том, — кивнул Гуанако, — что грамотно обнести склады способен мало кто. Даже если это сделаю лично я с группой квалифицированных сочувствующих, грешить-то Бедроградская гэбня всё равно на Порт станет. На весь Порт. Подстава это, Попельдопель.

— Ну да, наверное, — пришлось согласиться Попельдопелю. Хотя, конечно, обидно. Такая была бы весёлая история про эпидемию, никаких сил и средств на такую не жалко. А так вместо веселья придётся впихивать, и ещё непонятно, чем это закончится. Нужного количества лекарства на медфаковской аппаратуре не синтезируешь!

— Максим Аркадьевич пытается достучаться до фаланг, — покойник Гуанако с каменной рожей назвал Максима по имени-отчеству, хотя все они: и Максим, и остальная гэбня, и Ройш, и Дима (Дима Ройш!), и даже несчастный завкаф науки и техники Онегин — были ему при жизни студентами.

А Дима и Онегин вроде и не только студентами, там какая-то жутко драматическая история, но на то, чтобы вникать во все эти истории, Попельдопелю вечно не хватало ни времени, ни желания. Ну их.

— Нажаловаться наверх? — переспросил он. — А толку?

— Если даже чума в Бедрограде не заставит фаланг обратить сюда свои взоры, то, думаю, можно смело причислять их к разряду вымышленных существ, — загробным голосом высказался покойник Дима.

— Только если чума в Бедрограде случится и выплывет наружу, — перебил его покойник Гуанако, — Университет вроде как продует Бедроградской гэбне. У них же священная война.

Священная война, она же мелкие дрязги.

Застарелая вражда начинается с чепухи и ведёт к эпидемиям. Жили-были Удий и Жудий; Жудий назвал Удия нехорошим словом, а Удий обиделся и ударил Жудия в лицо, а Жудий обиделся и сломал Удию ногу, а Удий обиделся и вырезал всех друзей, родственников и знакомых Жудия. Жудий почти по ошибке посадил студента Удия, а Удий отобрал у Жудия городские канализации, а Жудий теперь готов полгорода перетравить, лишь бы доказать, что Удий сволочь.

И ведь главное — даже если заняться поиском правых и виноватых, докопаться до того, кто первый начал, выяснится, что вначале было либо недоразумение, либо какая-нибудь ну такая ерунда, о которой и говорить стыдно. А потом одно, другое, третье — и теперь уже не остановиться ни первой стороне, ни второй.

Вот и Дима туда же:

— Ничего Университет не продует, если докажем, что это они на нас наезжают. И докажем. Впрочем, — он почесал макушку и поёрзал в слишком большом кожаном кресле, — это занятие всяких там максимов и ройшей, а мы тут исключительно по медицинскому вопросу спасения всех и вся от неминуемой гибели.

Попельдопель вздохнул.

И вздохнул ещё тяжелее, когда в ту же минуту раздался стук:

— Юр К-к-карлович, можно? — вот кого здесь сейчас не хватало, так это Шухера.

Покойник Гуанако ощутимо напрягся: посторонние штурмуют помещение! Покойник Дима повертел головой и сделал вид, что тоже волнуется.

— Расслабьтесь, если мы таки будем кого-то лечить, то вот нам и специалист нужного профиля, — с очередным вздохом пояснил Попельдопель, — неплохой даже. В политику не посвящён вовсе, полуслужащим не является, про гэбню не знает... но я бы его, наверное, привлёк к работе по спасению всех и вся.

Попельдопель говорил в два раза медленнее, чем обычно говорил Попельдопель. Растя-я-ягивая слова-а-а, делая неуместные па-а-аузы и очень надеясь, что Шухеру надоест стоять под дверью. А привлечь его к работе можно когда-нибудь потом. Когда-нибудь.

— Войдите, — наконец сдался он.

Шухер вошёл.

Он не то чтобы был плохим человеком, но каким-то... каким-то... мелким, что ли. И не то чтобы плохо работал, просто медленно, в своём собственном ритме, и чего у него ни попроси, всё равно скажет «А? Что? Попозже» и преспокойно забудет задолго до наступления этого своего попозже. Попельдопель от такого отношения к делу впадал в бестолковую ярость, но приходилось мириться — специалист-то Шухер и правда неплохой, доктор наук всё-таки.

Манная каша, вот он кто.

Тихая, сопливая, заикающаяся манная каша!

— Юр К-к-карлович, — повторно заикнулась манная каша и впадала в ступор. Видать, разглядела покойников. Одного-то из них точно.

— Шухер! — дурным голосом заорал покойник Гуанако и бросился обниматься.

Попельдопель довольно усмехнулся: ну да, они же почти ровесники, они же на старших курсах как раз не сошлись на почве наркотических поставок в Университет.

А на глаз и не скажешь. Гуанако нынче снова отрастил волосы и даже напялил нечто крайне похожее на студенческий мундир, даром что бордового цвета, а тельняшку он и раньше под него носил — вот и вышел почти четверокурсник, в свои-то сорок. Шухер же отрастил только серьёзность. Сейчас посмотришь и не скажешь, что в былые годы он ругался с кем бы то ни было за оборот травы.

Время никого не щадит, просто некоторые успешно это скрывают.

Шухер опасливо замер в яростных объятиях Гуанако и вопросительно посмотрел на Попельдопеля. В самом деле, ещё ведь не весь Бедроград в курсе, что покойные покойники не очень-то покойные — а кончина светила науки истории в своё время была довольно громкой. Даже для непосвящённых в политику, для них ведь имелась своя легенда: светило науки пропал в экспедиции на другом континенте, ах-ох. Попельдопель вот весьма впечатлился в своё время, но так вышло, что через год или вроде того возникла Университетская гэбня, а у самого Попельдопеля вслед за этим возник девятый уровень доступа и прочие привилегии полуслужащего — в том числе и информационные.

В общем, смерть в горящем изоляторе на Колошме звучала эпичнее экспедиций, но Шухеру и экспедиций, кажется, хватило.

— Шухер. Над нами нависает очень, очень много работы. Тяжёлой, неприятной и безотлагательной. Безо всяких «попозже», — мстительно заявил Попельдопель, смакуя каждое слово. Надо припахать Шухера так, чтобы он после всей этой чрезвычайной ситуации встать не смог.

Будет знать, что случается с теми, кто отлынивает от трудов!

— Шухер? — Дима картинно прищурился. — Мой острый ум подсказывает мне, что вы, наверное, родственник Брови.

Брови?

Ааа, девочка с истфака.

— Мою д-д-дочь... — хотел было ответить Шухер, но Попельдопель с бессмысленным злорадством перебил его.

Заик легко и приятно перебивать!

— Он её п-п-па-п-п-паша. П-п-папаша, — пояснил Попельдопель и неожиданно для самого себя прибавил, — Папа Каша.

Покойник Гуанако заржал и подавился дымом, но радость бессмысленных издевательств подпортил своим укоризненным взглядом покойник Дима. Попельдопель развёл руками — мол, ничего не поделаешь, Папа Каша и есть Папа Каша.

Манная.

— Мою д-д-дочь, — не замечая окружающей действительности, лично для Димы продолжил Шухер, — зовут Б-б-брованна. Ваня.

— Наслышан. Равно как и о том, что ей это наименование не нравится.

Действительно, дурацкое имя.

Девочка-то милая, если Попельдопель, конечно, её ни с кем не спутал. Тощенькая, громкая, вечно в каких-то безразмерных свитерах и на тонких ножках — птичка. И с таким огро-о-омным, тяжёлым именем — Брованна!

Только Шухер мог так ошибиться, лох.

Кажется, «лох» вырвалось вслух.

Ну и ладно, ну и вырвалось — у Попельдопеля вообще часто что-нибудь вырывается.

— Андроний... эээ, как ваше отчество? — вкрадчивым тоном начал Дима, вытягивая ноги в (помилуй нас всех) канареечного цвета носках.

— Леонидович, — всё так же подозрительно ответил Шухер.

— Андроний Леонидович, полагаю, нам нужна ваша помощь.

— Ты уверен? — в который раз вклинился покойник Гуанако, изображая глазами страшные фигуры. — *Начальство* пока разрешения не давало.

— Уверен, — насупился Дима, — Попельдопель и я — это в лучшем случае один целый три десятых медика. Нужен кто-то ещё — и кто, как не Андроний Леонидович? И кто только что говорил, что у нас мало времени?

Шухер явно не понимал возникшего вокруг него ажиотажа.

Попельдопель, в общем-то, тоже, но зачем же так явно это демонстрировать!

Папа Каша, Папа Каша, ня-ня-ня.

— П-п-помощь? — подал наконец голос Папа Каша и что только не попятился по стеночке. — А вы, с-собственно, к-кто такой?

На покойника Гуанако он просто предпочёл не смотреть. Патентованный шухеровский метод общения с действительностью: зажмуриться и чтобы её как бы не было. Отсюда и прозвище.

Хотя, конечно, какого ещё прозвища может ожидать носитель звучной фамилии Шухёр.

То ли дело он сам, Попельдопель. Вот у него — правильное, звучное прозвище. Всё потому, что Юр Карлович Поппер долгое время работал по переписке с немецким вирусологом Карлом-Йоханном Доплером, наработал вакцину Поппера-Доплера, вакцина получила мировое признание и диплом (ныне — фундамент пробирочного сруба), а Попельдопель получил новое имя.

Мировое.

Дима тем временем что-то бурно задвигал Шухеру — кажется, прикрываясь его, попельдопелевским, авторитетом. Ну и пусть: сами-то они покойники, им никто ничего не должен, а Шухера надо припахать; и если делается это мировым именем Попельдопеля, то он только рад.

Покойника Диму, в отличие от покойника Гуанако, Попельдопель знал в основном по слухам про драматические истории. Лично они познакомились на Димином третьем курсе, на консультации за два дня до экзамена.

Истафовского, по истории медицины. Когда-то ноль целых три десятых медика изучали историю и имели склад ума, диаметрально противоположный естественнонаучному (что довольно остро выяснилось на самом экзамене).

А теперь эвон оно как вышло.

Ноль целых три десятых медика тогда ввалились через полчаса после начала консультации, плюхнулись на первую парту (прямо перед преподавательским столом, которую никто никогда не хочет занимать) и выпучили на Попельдопеля глаза, изображая предельное внимание. Выглядел при этом Дима так, как будто только что выбрался из эпицентра небольшого взрыва. Попельдопель тогда степенно изучил его специфический внешний вид и осведомился, кто, собственно, перед ним

и чего ему надо, на что получил невозмутимое «студент такой-то, экзамен хочу сдавать». На резонный вопрос о том, где он шляется весь семестр, студент такой-то внимательно осмотрел маленькую, на двадцать человек аудиторию и доверительно поведал, что он ходил, просто сидел за колонной.

Мысль о том, что этот человек работал в Медкорпусе и даже, кажется, был там на хорошем счету, помогал высококвалифицированному специалисту, внушала страх и — чего греха таить — некоторую радость.

Так им!

Сладкую ностальгию прервала повисшая в кабинете тишина. Видимо, Дима только что закончил какой-то особо прочувствованный монолог. Про эпидемию, про что же ещё.

— Надо обратиться в Ст-т-толицу, известить... — изрёк Шухер и, видать, сам испугался того, что собирался сказать дальше, — известить Медицинскую г-г-гэбню, — и посмотрел эдак, прямо с вызовом. Жуть жуткая, страшное слово «гэбня»!

Попельдопель, кажется, опять пробурчал что-то недовольное вслух.

— Нет, вот этого точно не надо, — мгновенно среагировал Дима, почти подпрыгнул в кресле и схватил следующую сигарету. — Я же объяснил: вирус, который сейчас в Бедрограде, основан на... эээ, родственен степной чуме. Давайте-ка подумаем вместе, какова вероятность того, что Медицинская гэбня вместо спасения всех и вся возжаждет изучить историю болезни целого города? Понаблюдать естественное протекание, рассмотреть связанные с эпидемией социальные изменения? Да дай им волю, они нам и ещё вирусов подкинут.

Всё это, конечно, так (Попельдопель даже покивал в подтверждение), даже сто тысяч раз так, Медицинская гэбня слово «гуманизм» только в книжках читала, но остаётся вопрос (праздный, но любопытно же!): Димины позиция — это как раз несчастный гуманизм пополам со здравым смыслом, или он просто от Медицинской гэбни скрывается?

Веселее, если скрывается.

Надо будет потом (без всяких шухеров) спросить.

— Д-да, но мы должны, — упрямо буркнул всякий Шухер, — этот вопрос не в нашей к-к-компетенции. Д-даже если в Университете есть г-г-гэбня... п-п-поймите, не в наших силах... Зачем вы мне это рассказали? — вдруг возмущился он. — Я не хочу разбираться с эпидемией в Б-бедрограде и не хочу знать, что она инициирована г-г-городскими властями. Это не мой уровень доступа!

— Андроний Леонидович, — Дима всё-таки подпрыгнул, — властями, уровнями доступа и прочей политикой занимается Университетская гэбня. Кто знает, может, как раз в эту минуту к Бедроградской гэбне применяются подходящие санкции. Но всегда есть опасность, не знаю, бюрократических проволочек, каких-нибудь ошибок — а ждать нельзя, чума, простите за плеоназм, смертельна! Вы один из главных вирусологов Университета, и я, — уронил он покаянно голову, — гнусно зываю к вашей совести.

Шухер молчал, тоскливо глядя на присутствующих и, кажется, догадываясь, что поддержки он ни от кого из них не дожждётся.

— Если вам будет спокойнее работать по прямому указанию Университетской гэбни, это, думаю, можно устроить, — искусительно добавил Дима.

— Но я п-п-понятия не имею, что делать в такой ситуации! — вскричал Шухер — сдаваясь, впрочем. — К-к-конечно, я готов п-помочь с медицинской ч-частью, но к-к-какой в этом толк, если речь идёт о... о... я д-даже не знаю, к-к-как это назвать, — он вздохнул. — Я п-п-помогу, если вы скажете, что от меня т-требуется.

Да кто бы знал, что требуется! Попельдопель, завкаф вирусологии и медик с мировым прозвищем еще раз обвёл взглядом присутствующих, не особо скрывая растерянность. Да-да, он тоже готов бежать и делать — сказал бы кто, куда бежать.

Дима, три десятых медика, не отличающий вакцину от сыворотки, пока что изо всех сил переживал свой триумф в сфере убеждения.

Гуанако, не медик ни в одном глазу, с предельной суровостью точил какой-то случайный карандаш внушительным ножом, грубая и потрёпанная рукоятка которого, видимо, символизировала серьёзность сложившейся ситуации.

Шухер, полноценный медик и доктор наук, искал поддержки у узора на занавесках попельдопелевского кабинета. Хороший узор, геометрический — вроде бы стилизованный под таврский. Три круга — изгиб — три круга. Круги-то точно знают, как теперь со всем этим быть!

— Но как же... г-г-городские власти, они же должны заниматься г-городом! — очень по делу высказался Шухер. — Я помню, я туда обращался, к-когда у меня багаж куда-то д-д-делся... и к-когда Ванечка в д-детстве потерялась, не вернулась из д-д-дома в отряд, к п-подружке п-п-поехала. Т-то есть не прямо к ним, к-конечно, в п-приёмную, но... а теперь они г-город заражают...

А раньше занимались исключительно поиском детей и чемоданов! Ага, белая и пушистая Бедроградская гэбня, которую нелёгкая жизнь довела до распространения в собственном городе смертельной болезни.

Попельдопель фыркнул.

Так как больше никто не спешил заняться нервами Шухера, выступать опять пришлось Диме:

— Они и занимаются городом. Регулярными уборками неблагонадёжных элементов. Знаете, я даже верю, что ваш багаж тогда нашли: когда обращаются к Бедроградской гэбне, она, может, и работает. А вот когда *не* обращаются, она приходит сама и делает всё, чтобы не обратиться было невозможно, — ничего себе, сколько в Диме, оказывается, затаилось проникновенности и гражданского пафоса. — В этом и проблема. Университет может прожить без Бедроградской гэбни, и это задевает их ранимые сердца. Они хотят, чтобы все ходили к ним за потерянным багажом, людьми и смыслом жизни. Весь город. Даже если города в итоге не останется.

И не останется, раз все только и делают, что охают!

Если Шухер сейчас спросит ещё что-нибудь бестолковое, а Дима в ответ продолжит разводить гражданский пафос, Попельдопель кого-нибудь ударит. Или на кого-нибудь наорёт, или что-нибудь сломает. Или как-то по-другому из него попрёт паника, но точно попрёт. Потому что на Попельдопеля так *накатило*.

Потому что они тут сидят, обсуждают моральный облик Бедроградской гэбни, а время-то нигде не сидит и никого не обсуждает.

Время тикает, вирус распространяется, а как с этим быть — до сих пор непонятно.

С некоторой вероятностью Бедрограду грозит эпидемия водяной чумы. Заражение рукотворное, а значит, надеяться на удачу не приходится — само собой не пронесёт. Правда, формула лекарства известна, вот только пожёванной бумажкой с оной больных людей не накормишь, а больше ничего нет.

С некоторой вероятностью.

Будь вероятность маленькой, припёрлись бы покойники к Попельдопелю, ага, как же. Будь вероятность маленькой, он бы их сам взащей отсюда выгнал, других дел по горло. Встретились бы вечером, посидели бы, потрепались о нелёгкой судьбе...

Но сейчас-то сколько можно трепаться?

— Хватит уже пережёвывать!

Даже Гуанако, принципиально изображавший мебель, обернулся и внимательно посмотрел на Попельдопеля. Наверное, вышло слишком громко.

И да, Попельдопель предпочёл не заметить, что время, судьба города и план дальнейших действий волновали его гораздо меньше, пока беседа была весёлой, а неприятных собеседников рядом не наблюдалось.

Лучше он ещё немного посозерцает приятных.

Медика, занимающегося исследованиями, а не просиживающего зад в районной поликлинике, легко узнать по рукам. Обязательно какие-нибудь разводы, ожоги, навсегда въевшиеся пятна — даже у подстригавшего каждые три-четыре дня ногти Попельдопеля они имелись.

У Димы руки были жёлтые почти по локоть. Ну, не жёлтые-жёлтые, а так, неравномерно желтоватые, загрубевшие, с пересохшей на костяшках кожей — очень правильные руки, проще говоря.

Молодец Дима: образованием не вышел, зато компенсирует площадью пострадавшей за науку поверхности тела!

Жёлтая рука снова утонула в эпицентре небольшого взрыва, локализованного на Диминой голове. Голова вздохнула и заговорила неожиданно ровным голосом:

— Хорошо, давайте по делу. Мы не можем ворваться в здание Бедроградской гэбни с пистолетами и таким образом остановить заражение, мы можем только лечить больных. Формула лекарства имеется, но синтезировать его без аппаратуры не получится. Да и вообще, синтез естественных образований — белков, например — штука тёмная. Значит, сделать лекарство мы не можем. Так?

Попельдопель заворожено кивнул. Давненько ему не читали лекций по вирусологии.

Особенно люди, не отличающие вакцину от сыворотки. Это было весело и как-то освежало — никакой академической мути, только суть дела.

— А вот и не так, — риторически воскликнул Дима. — Что нельзя синтезировать, можно получить естественным путём. Водяную и степную чуму объединяет в первую очередь базовый компонент... это такая хрень, не помню, как называется, но работает она по принципу клея, скрепляет молекулу вируса, чтобы та не развалилась. Впрочем, в молекуле степной чумы эта хрень вроде как ещё что-то делает. Не знаю, не суть. А сути две: во-первых, эта хрень сама по себе абсолютно безвредна, а во-вторых, она наличествует в кровавой твири.

Дима сделал драматическую паузу.

Суть, хрень. Клей! Аж завидно — так бы лекции читать. Не заморачиваясь, в смысле.

— П-п-погодите, — Шухер сделал круглые глаза и задохнулся, — это что же п-получается? В г-городе вирус, родственный ст-т-т... ст-т... — ну да, а теперь ему ещё и название степной чумы не выговорить. Учёный.

— Да, да, говорил же уже. Но он куда менее опасен. Верьте мне, я сам его делал. Из грязи.

Гуанакос посмотрел на товарища по посмертию с укоризной. И справедливо: у Шухера с сердцем не очень, ему вредно *столько* волноваться.

— Это б-безумие!

— Вы бы предпочли, чтобы город сейчас оказался заражён вирусом, о котором мы ничего не знаем? — Дима сверкнул глазами. — Так сложилось, что Университет прослышал о затеях Бедроградской гэбни. Так сложилось, что мы по-прежнему не можем ворваться в их здание с

пистолетами. Так сложилось, что доказать преступление без состава оно не невозможно. Так сложилось, что я в подходящее время работал в Медицинском корпусе и имел возможность поспособствовать созданию подходящего вируса, а потом предоставить Университету всю информацию, — он выдохнул и продолжил извиняющимся тоном: — Поймите, Бедроградская гэбня носится с этим планом семь лет. Семь. И могла бы носиться ещё семь, и могла бы довести его до идеала. Университет решил, что лучше подготовиться и спровоцировать. Кто мог знать, что желание припугнуть одним заражённым домом у Бедроградской гэбни перерастёт в склады чумы?

— Сумки. Пока что курьерские сумки, — педантично хмыкнул Гуанако куда-то в сточенный до зубочистки карандаш.

Шухер с глубоко несчастным видом пялился на поблескивающий гуанаковский нож.

У нашего Папы Каши слишком много морально-этических сложностей и слишком мало научно-исследовательских. Попельдопель хотел снова прикрикнуть, а вместо этого вдруг вспомнил один из забытых в ходе обсуждения вопросов и тут же брякнул:

— Я вот сразу не спросил... ты в самом начале говорил, что сделал свою чуму из грязи, из которой теоретически можно получить степную. А грязь-то ты откуда вытащил?

— Из холодильника, — широко улыбнулся Дима. — И всё-таки не совсем я, работал в основном Шапка. Вернёмся к делу.

Ну нет, второй раз Попельдопель этот вопрос не забудет. Если три десятых медика где-то надыбали образец степной чумы в дормантном состоянии, кафедра вирусологии БГУ им. Набедренных просто обязана узнать, где именно.

А вот Медицинской гэбне этого знать не стоит. Медицинская гэбня из зачатка степной чумы непременно возжелает сделать саму степную чуму — и один только леший ведаёт, какого масштаба им потребуется рабочая площадка.

Город, например.

— Та самая хрень, о которой я говорил, по-прежнему безопасна и содержится в кровавой твири. Безопасна — значит, принимается организмом. И, скажу я вам, весьма гостеприимно принимается, легко

прицепляется к антителам, например. Собственно, так вирус в организме и удерживается. Если убрать хрень, он развалится и безболезненно выйдет естественным путём.

Сточенный до зубочистки карандаш украсил собой крышу пробиручного склада, сделавшись не то флагштоком, не то антенной.

Гуанако и Дима ввалились к Попельдопелю на кафедру очень вдвоём, но теперь ему как-то показалось, что тот из покойников, который изображал мебель, почти скучает, или не одобряет происходящее, или просто не при делах.

Чаю ему сделать, что ли.

— Синтезировать то, что убирает хрень, мы не можем, в нормальном состоянии организму на неё пофиг. Но! — Дима воздел палец. — К счастью, существует некий препарат — сыворотка, вызывающая аллергию на твирь, в которой эта хрень, напоминаю, тоже есть. Шапка же делал когда-то. Для меня же. Ну, в некотором роде.

То, что убирает хрень, — это, видать, антиген. Синтезировать можно, но с учётом объёмов... в общем, опять всё дело упирается в объёмы и аппаратуру, которой у Столицы не попросишь, потому что не объяснишь, зачем.

— Препарат этот совсем простой, его мы сделать на коленке точно сможем. Он, вообще говоря, изначально вызывает конфликт с другим компонентом твири, не хренью... и да, кажется, я ввёл новый термин! Так вот. К счастью — ну, для науки, не для испытуемого — конфликт разрастается, происходит эпическое сражение, издёргавшийся организм в ужасе отступает и начинает ненавидеть всё, что связано с кровавой твирью. Процесс неприятный, зато в результате хрень тоже становится врагом. Даже если она не в твири, а вовсе и в чуме. Понимаете, куда я клоню?

— Сыворотка для аллергии — и есть лекарство? — поднял брови Шухер.

— Да нет! Говорю же, она изначально реагирует не с хренью, аллергия на всё и вся — это сильно не первый этап процесса, — Дима почти незаметно дёрнулся. — И даже не самый неприятный. По крайней мере, к его моменту как-то уже и плевать, где чего болит. Но зато если сражение в крови достаточно масштабно — то бишь если сперва уколоть

сывороткой, а потом долго и непрерывно подвергать воздействию аллергена — то в результате в крови образуются антитела, способные победить чуму. Извлечёшь кровь вместе с ними — получишь основу для лекарства. Про степную не знаю, а от водяной уж точно поможет.

Попельдопель тряхнул головой и схватился за первую попавшуюся чистую бумажку. Надо нарисовать схему, а то Димин поток слов вроде бы и понятен, но настолько сумбурен, что страшно в спешке чего-то не уловить. Особенно с учётом того, что общепринятый терминологический аппарат у Димы за пять минут всё равно не отрастёт, этот их Шапка в Столице, а значит, надо говорить с имеющимся консультантом. И говорить на том языке, который этот консультант использует.

Так. Рисуем звёздочку. Это хрень.

Рисуем звёздочки между палочками — это степная чума. Палочки — её неизвестные и сейчас не очень важные компоненты. Хрень (звёздочки) — клей, как выразился Дима, компоненты связывает. Вязание сплошное, салфетка кружевная какая-то.

Второе кружево — водяная чума. Всё то же самое, но звёздочки цепляют не прямые палочки, а какие-нибудь волнистые линии, которые компоненты уже водяной чумы. Они тоже пока неважны, хотя формула есть, можно было бы и подробно изобразить, но не нужно.

А теперь кровавая твирь. Она не вирус, она трава, поэтому и рисовать надо не кружево, а просто облако компонентов. Много кружочков и одна звёздочка.

Не академично, зато сразу видно, что объединяет две болезни и одну траву.

Сыворотка, вызывающая аллергию на твирь, реагирует с каким-то её компонентом. То есть, если на схеме — перечёркивает какой-то конкретный кружочек. Дальше понятно: поддерживаем в организме нужное соотношение сыворотки и твири (с сывороткой понятно, а вот твирь каким путём лучше внедрять?), получаем аллергическую реакцию уже не на конкретный компонент, а на все сразу. С аллергиями такое сплошь и рядом. Перечёркивание всех кружочков и звёздочки за компанию, выработка в организме антигена, множащего антитела.

Антитела, борющиеся со степной чумой! С неизлечимой, неизученной, неуловимой степной чумой!

Ну и заодно с нашей бедроградской-водяной (отличная двойная фамилия получилась).

Попельдопель протянул свои каракули Диме:

— Как-то так?

— Угу, — кивнул тот. — У вас рука художника.

— П-постойте, — вмешался Шухер. — Я, к-кажется, слышал нечто п-п-подобное. Семьдесят шестой г-год, последняя вспышка степной чумы. Т-тогда было много шума в-вокруг иммунной сыворотки Смирнова-Задунайского... к-который п-п-посмертно награждён за гражданское мужество. П-п-потом её вроде п-признали т-тупиковой ветвью.

Или не захотели делиться результатами доведения сыворотки до ума. Попельдопель в которой раз поразился гражданской наивности Шухера.

Шухер тем временем очень внимательно разглядывал бирюзовые подтяжки покойника Димы, с которым он при жизни знаком не был, но вот газетные портреты времён гражданского мужества, да и над медфаке один висит — всё-таки героически погибший автор сыворотки когда-то был студентом БГУ... ой.

— Шухер, милый, — ласково позвал покойник Гуанако, резко перестав прикидываться мебелью. — Память — неприятная штука, да ещё и малоизученная. Вечно подводит, подкидывает ложные ассоциации, путает карты, выдаёт желаемое за действительное, достраивает недостающие детали... Пойди разбери, где кончается память и начинается воображение. Ты как медик, хоть и не того профиля, должен бы это понимать. *Я бы тебе от всей души советовал это понимать*, — Гуанако задумчиво и лирично повертел в руках свой выразительный тесак, недавно превративший карандаш в подобие зубочистки. — Буйство воображения случается. От недосыпа, от перегрузок на работе, да мало ли от чего. А в оживших покойников знаешь кто верит? Сплошь малые народы с их сохранившимися кровавыми культами и ещё психи. Точно говорю, — и вдруг облизнул нож, подмигнув Шухеру.

Попельдопель к моменту демонстративного облизывания как раз успел осознать, что, наверное, совершил ошибку или даже служебное преступление, чем леший не шутит — без согласования с гэбней показал

Шухеру покойников. С другой стороны, покойники сами пришли, сами принесли весть о чуме, а какой у них официальный статус и что они вообще во всей этой политике делают, непонятно. Может, поговорят-поговорят, а на следующее утро истают, будто и не было никаких покойников.

— Так вот, лекарство, — как ни в чем не бывало продолжил Дима. — Допустим, берём мы какого-нибудь человека, вкалываем ему сыворотку для аллергии, набиваем поплотнее твирию и прячем в шкаф. Через два-три дня мы из этого шкафа можем извлечь пять литров основы для лекарства. Хотя все пять литров, наверное, брать не стоит. Наверное, от этого может случиться что-нибудь не очень хорошее. Поскольку ситуация драматическая, давайте брать, например, семьсот миллилитров... так, это считать сложно, давайте брать литр.

Считать в любом случае сложно, сейчас всё равно промажет мимо точного числа, вздохнул Попельдопель. Правильно считать такие цифры большинство студентов только к госу обучаются. Но допустим.

— В Бедрограде сколько? — около полутора миллионов жителей. Допустим, заразились все — потому что, знаете, мы так удачливы. Одному больному нужно вкалывать не меньше пятнадцати кубиков лекарства. Всего, соответственно, нужно... 0,015 л умножить на 1 500 000... — Дима завис, в муках сдвинул брови и все-таки сосчитал. — 22 500 литров. Значит, чтобы вылечить весь город, нам нужно двадцать две с половиной тысячи добровольцев, — Попельдопель на это чуть не заржал, но, посмотрев на Димину обалдевшую рожу, сдержался. — Знаете, я тут подумал — а давайте плюнем на программу-максимум, будем верить в удачу и исходить из того, что есть. Не заразят же они *на самом деле* весь город.

— А если брать по пять литров, — еле сдерживая хохот, влез немедик Гуанако со своим ножом, — понадобится даже меньше пяти тысяч, гм, добровольцев!

— Жертвенно. Возложим же себя, своих друзей, родственников и тех, кто недостаточно быстро бегают, на алтарь гуманизма, — обиженно фыркнул недовольный своими подсчётами Дима.

— А работать кто будет? — возмутился Попельдопель. Искренне возмутился!

Хотя вообще-то давно пора спросить, как оптимально внедрять в организм кровавую твирь. И где её взять в таких количествах.

То есть ещё непонятно, в каких (зависит от способа внедрения), но и так понятно, что скромности запросов тут можно не ждать.

— К-к-какую ерунду вы мелете, — Шухер выглядел несчастным и, кажется, малость испуганным. — Да д-д-даже не на весь город, где мы возьмём хоть сколько-то д-добровольцев? Ещё и т-тайно от г-г-городской власти?

Повисла нехорошая тишина, которая вернула Попельдопеля обратно к панике. Ну да, можно без аппаратуры, есть аллергическая реакция, есть общие компоненты у твири, чумы и другой чумы. Ну да, есть формула лекарства, вот она, а в ней треть — сыворотка крови с антителами. Только без аппаратуры или без людей (какие двадцать две, какие пять тысяч — хотя бы нескольких сотен!) всё это совершенно бесполезно.

— Ну что же вы все так нервничаете? — усмехнулся в этой тишине Гуанако. — У нас, то есть у вас, есть целый Университет студентов.

— Студентов, — Попельдопель задумался. — Но с учётом уровней доступа, статуса секретности и всего остального... как их заставить-то превратиться в ходячее лекарство? Мы же не можем сказать правду!

Покойники переглянулись.

— Говорить студентам, что мы хотим использовать их в качестве сырья для бесчеловечных экспериментов, действительно не стоит, — медленно, как бы спрашивая разрешения, произнёс Дима, — но это ведь не значит, что *какую-нибудь правду* рассказать нельзя.

Решение:

План добычи лекарства из ничего был настолько сумасшедшим, что голова шла кругом и отказывалась верить в происходящее в принципе. Ну и леший с ней, с головой.

Шухера Попельдопель оставил на медфаке заниматься всякими предварительными мероприятиями — и так и не спросил, кстати, зачем тот к нему в кабинет-то изначально стучался. Всяко же не вписываться в предотвращение чумы в Бедрограде.

И плащ Попельдопель тоже оставил, шёл просто так, благородно зеленея костюмом, — на улице было на удивление тепло, хоть и ветрено. Вчера-то весь день дождь шёл стеной, и ночью шёл, и с утра накрапывал, а тут вдруг небо обратно прояснилось. И всё бы хорошо, но такая погода была прямо-таки неприлично на руку Бедроградской гэбне — шансы у врачей районных поликлиник заподозрить какую-то странную болячку у тех, кто к ним в ближайшие дни обратится, и так не очень высоки, а тут ещё и погодка.

В отношении симптоматики у водяной чумы условно три этапа (на самом деле больше, но для выявления на глаз это несущественно). Первые дни — вялость, подавленность, сонливость и прочие мелочи, на которые мало кто вообще обратит внимание. Вирус обустроивается в организме, активно размножиться ещё не может, готовит почву. На этом этапе есть даже небольшая вероятность, что какой-нибудь особо сильный организм справится сам, задавит иммунитетом. Через два-три дня, у всех по-разному, происходит мощная атака на иммунитет в виде тяжёлого ОРЗ. Вирус хиленький, не степная же чума в самом деле, ему для манёвра требуются особые условия. Для создания этих условий к вирусу искусственно добавили ОРЗ. Иммунная система активируется, выявляет заболевание, спешно начинает производить антитела с соответствующей иммунной компетенцией — борется с ОРЗ, в общем. В это время обёрнутые в нейтральную хрень-клей молекулы чумы и проникают из крови в ткани и клетки организма. Не было бы ложной тревоги, иммунная система отнеслась бы к этому с подозрением, а так она слишком занята производством ОРЗ-специфичных антител. ОРЗ в итоге заканчивается — или не заканчивается, это вскоре становится неважно; важно, что чума к тому моменту успевает плотно обосноваться и начать наконец собственную атаку на организм. Как путано объяснил Дима, ОРЗ тут, с одной стороны, для эффективности, которая так нужна Бедроградской гэбне, с другой — для простоты выявления, которая нужна уже Университету, если вдруг что.

«Если вдруг что» настало, но несчастная погодка усложняет дело: сколько народу вчера промокло, а сегодня обрадовалось солнышку, плюнуло на ветер и разделось обратно? Сам Попельдопель первый и разделся, чего уж. А это значит, что с завтрашнего-послезавтрашнего дня

сопливых и давящихся кашлем в районных поликлиниках будет немало. Вычислить среди них больных на второй стадии водяной чумы — та ещё задача.

Попытки лечить ОРЗ таким больным, конечно, помогут — от ОРЗ, не от чумы. Организм и дополнительные препараты будут изо всех сил бороться с нестрашным и несмертельным заболеванием, пока в какой-то момент вирус чумы не выйдет из подготовительной спячки и не устроит праздник, он же третья стадия. Быстро перекроит солевой баланс организма, станет тормозить жидкости и стягивать их куда леший захочет. Она ж не только потому *водяная* чума, что придёт из водопровода.

Вирус почти случайно выбирает конкретный тип клеток и накачивает их жидкостями сверх необходимого, осушая другие клетки. Например, пересохшая кожа, а если пораниться — ка-а-ак хлынет. Ну или не кожа, кожа ещё ерунда, а вот стенки какого-нибудь внутреннего органа рано или поздно от давления разорвёт.

Попельдопель пригляделся к усталой женщине, пытавшейся не задремать на скамейке, и отстранённо полюбопытствовал, что у неё разорвёт, если (допустим) она больна. Печень, определённо печень. Никаких оснований так думать не было, но у Попельдопеля с самого утра в голове почему-то вертелась сплошная печень.

Хотя усталая женщина может жить прямо тут, в Университетском районе, который Бедроградская гэбня умышленно заражать не станет — они-то думают, что Университет про чуму не знает, прохлопает заражение ушами и останется кругом виноватым со своими непутёвыми канализациями. А в Университетском районе всё перед глазами, в районной поликлинике сидят сплошь медфаковские старшекурсники, у них мозги побыстрее соображают, чем у простых врачей. Неразумно тут в канализации вирусы пускать — вдруг кто почует неладное.

Университетский район — самое правильное место во всём Старом Городе. Помпезных особняков с садами, беседками и фонтанами тут никогда не было, просто многоквартирные дома дореволюционной постройки и петли мощёных улочек между ними, небогатое, но изобретательное литьё перил и крылечек, крохотные окна непонятого назначения, вылезаящие в каких-нибудь неожиданных местах — то под

самой крышей, то прямо между ярусами обычных окон. Кривоватые ступеньки с улицы сразу на чердак, минующие жилое пространство, кое-где сохранившиеся деревянные ставни, стены грубой облицовки «чтоб подешевле» — щербатой, под необработанный, кое-как перебитый камень. Низкие арки, фонарные цепи, подвальные забегаловки на месте прежних трактиров.

От медфака (бывший Институт Штейгеля) до истфака (бывшая Академия Йихина) чуть больше полчаса узкими улочками, а если знаешь, в какую хитрую дырку нырять, и того меньше. Как раз хватит времени пережить степень безумия плана по производству лекарства.

«Если у тебя никуя нет, — говорил только что на кафедре вирусологии покойник Гуанакто, — надо ещё раз хорошенько подумать и исходить из того, что есть».

Попельдопель совсем, совсем не ожидал, что у Университета есть хоть что-то, чтобы мотивировать студентов. Оказалось — есть, у покойника Димы даже фотоснимки нашлись при себе, но всё равно поверить непросто. Пойди тут поверь!

Покойники, с которыми Попельдопель пёрся на поклон к гэбне, беззаботно трещали о чём-то своём: какой-то мастер татуировок, отрезанные косы и карты кладов — то ли радиопостановку обсуждают, то ли байку на ходу сочиняют. Попельдопель даже хотел прислушаться, но сосредоточиться на словах всё никак не получалось. Итак, скорость распространения заражения в населённом пункте на полтора миллиона человек...

Истфакское крыльцо (шесть пар колонн, а торжественного вида всё равно не выходит) было засижено студентами. Понедельник, до занятий доползти сил хватает, собственно заниматься — не очень. У Попельдопеля до всяких пришествий чумы тоже не хватало, послал вместо себя на лекцию аспиранта и заперся в лаборатории, там работа пободрее.

Внутри многожды перестроенного здания бывшей Йихинской Академии всегда гулко и прохладно, но не зябко, а скорее свежо. Крохотный круглый холл по периметру заставлен едва ли не антикварными скамьями с резными спинками, на которых гораздо удобнее дремать, чем списывать. Над одной из них нависает

прижизненный портрет Йыхи Йихина, коротконового рыжего проходимца, державшего когда-то за ошейник весь Петербург. Ошейников на парадном портрете полно — основатель Академии вряд ли позволил бы изобразить себя без первостепенных своих интересов, мальчиков в кружевах и больших лохматых собак.

Хотя, наверно, правильно было бы упоминать их в обратном порядке — собак и мальчиков. Попельдопель не слишком-то знал историю, не считая Революции, каких-то общих вещей и, собственно, истории медицины, но Йыха Йихин ему нравился, и потому он даже откуда-то помнил, что тот вырос на псарне, был сыном пёсника, внуком пёсника, правнуком пёсника и сам собирался стать пёсником, но не сложилось. Сложилось попасть под суд на родной финско-голландской стороне и сбежать к лешему в строящийся портовый город на территории Росской Конфедерации. Только зелёные первокурсники истфака могут полагать, что Йихин основал какую-то там скучную историческую академию — на самом деле он основал бордель. А чтобы выдержать суровую конкуренцию, которой в портовом городе было предостаточно, он не только дрессировал своих мальчиков как настоящий пёсник и надевал на них ошейники в качестве знака отличия по профессиональному признаку, но и придумал кое-что покруче — он их, эээм, оскоплял. Мода, между прочим, продержалась до самой Революции (как и мода на ошейники). Рыжий Пёсник умудрился убедить как своих современников, так и их потомков, в том, что лучшие работники борделей — оскопленные работники борделей. Физиологическая противоестественность этой моды всегда особенно восхищала Попельдопеля: невелика заслуга заставить людей верить в простое и естественное, куда веселее — в сложное и не укладывающееся в голове!

Йихин даже придумал что-то вроде религиозной доктрины, предписывавшей его дрессированным оскопистам сношаться за деньги во имя преуменьшения страданий всего человечества. Покойник Гуанако ещё при жизни как-то объяснял Попельдопелю, что это йихинское учение было хитрой и грамотной издёвкой над традициями скопнических общин, доползшими с российской земли аж до Европ. И что ни в коем случае не следует путать бордельных оскопистов и благочестивых скопников, а также и тех, и других со скопцами, элитным

войском леший знает когда павшей Империи. Потому что, мол, всё это очень, очень разные вещи!

Видимо, изысканные богословские споры об этой разнице так нравились интеллектуально отягощённым клиентам Йихина, что ему, бедному, аж пришлось открыть Петербержскую Историческую Академию, которая ещё крайне нескоро перестала быть по совместительству борделем.

Попельдопель улыбнулся парадному портрету и вместе с покойниками двинулся к главной лестнице истфака — громадной, роскошной, но при этом будто бы парящей в воздухе над скромным холлом. И, по правде сказать, совершенно бордельной. Искомая кафедра науки и техники — второй этаж по этой самой лестнице, тёмный закуток направо.

Тёмный закуток направо, нетипично перегороженный каким-то столпотворением!

Попельдопель пригляделся: определённо не студенты. Похоже на делегацию заводских рабочих из глубинки — странный говор, обгоревшая на солнце кожа, вообще вид какой-то не самый здоровый (пьют?), одежда простая, практичная (кто такую в Бедрограде носить будет?), особая провинциальная растерянность, сплошное «что делать, куда бежать?» на лицах.

Кто бы они ни были, если они на кафедру, они не вовремя.

— Ну кого ещё нелёгкая принесла... — начал было Попельдопель, но вдруг заметил волнение среди покойников.

— Охуеть, — постановил покойник Гуанако. Со значением отдал ногу покойнику Диме, почти уже рванул к делегации и вдруг вспомнил про Попельдопеля: — Слушай, подожди тут пару минут. Сейчас пойдём на кафедру, просто... просто ты себе не представляешь, как всё охуенно складывается!

К Попельдопелю вернулось утреннее «mmm», потому что что тут ещё скажешь, кроме «mmm».

Покойники ввинтились в делегацию, скрылись с глаз Попельдопеля за провинциальными делегатскими спинами и что-то устроили. Что — непонятно, не видно и не слышно, но делегаты их совершенно точно слушали и слушали — ммм, сто тысяч раз ммм! — с почтением, внимали

даже. Кто-то покачнулся. Его тотчас подхватили и силой заставили побыть ещё немного вертикальным, но Попельдопель был готов поклясться, что наблюдал сейчас несостоявшееся падение на колени.

Ммм.

Дальнейшее — набор картинок.

По-другому это самое дальнейшее мозг Попельдопеля воспринимать отказался.

Кафедра. Ворох бумаг — на столах, на шкафах, на диванах, на полу, разве что на потолке нет бумаг, но на потолке революционное чучело. Сегодня оно Метелин — в шинели Резервной Армии поверх парадной белой рубахи (их ещё называют расстрельными, расстреливали-то в парадном), в парике из чёрных-пречёрных волос, совсем как у покойника Димы или живого завкафа Онегина.

Охрович и Краснокаменный кивают на чучело и хором заявляют: «Потому что Метелина звали Александр!», но какой к лешему Александр, при чём тут это, у нас же эпидемия, некогда глупостями заниматься.

Покойник Гуанако выгружает на секретарский стол бесконечные бутылки без этикеток, Ларий расставляет их по росту и вздыхает: мол, крепкая она, на работе много не выпьешь. Кто «она», что это вообще за бодяга нежно-ржавого цвета?

Максим обеспокоено выспрашивает что-то у покойника Димы, слушает традиционно путанные ответы и качает головой. Где-то неподалёку бродит мрачный Ройш, отпихивает бесконечные Максимовы бумаги едва взглянув, и это настолько ненормально, что Попельдопелю становится не по себе.

Дверь в завкафский кабинет красноречиво заперта.

Очень не ко времени, надо же срочно обсудить с гэбней детали плана —

Дверь в завкафский кабинет распахнута, сейчас вообще от удивления сорвётся с петель, потому что перед завкафом вещает древний старец из делегации, на которую Попельдопель и покойники наткнулись при входе. Вещает былинным голосом, исполненным сильного старопэтэрбэржского акцента — Попельдопель когда-то жил рядом с

дореволюционным дедком, он знает, как это звучит. Впрочем, дедок и то меньше экал.

Онегин прикрывает глаза и отворачивается. Онегину, как обычно, недосуг слушать посетителей. Охрович и Краснокаменный сидят по обе его руки прямо на полу, преклонив одно колено, они-де грифоны. Кто такие грифоны: это которые совы с собачьими ногами или которые гуси с бычьими шеями? На дореволюционных монетах и тех, и тех чеканили, а та сторона, которая не решка, до сих пор в обиходе «грифон», только пойдя уже разбери, что он такое.

Максим пытается и слушать, и что-то писать в блокноте непреклонному Ройшу, а Ройш похож не на поганку, как обычно, а вовсе даже на плод фигового дерева.

Ларий суетится, позванивает куда-то и тихо бормочет в трубку, поглядывая на старца.

Покойники притаились за шкафом. Целуются они там, что ли? Самое время.

Глаза Попельдопеля перескакивают с одного действующего лица на другое, шарят по кафедре, после каждого круга непременно спотыкаются на свитерах Охровича и Краснокаменного. Салатовый с оранжевым и ультрамариновый с белым, вязка крупная, почти сеть — так похоже на условное изображение чумы, которое он тут рисовал. Ну и какого лешего? Лишней минуты ведь нет, а тут эти делегаты.

Охрович и Краснокаменный степенно кивают, по-звериному держат спины, у них балаган (у них всегда балаган), но на самом деле понятно, что всё их внимание сконцентрировано на старце, они даже не мешают ему вещать, вклиниваются поменьше. Если аж Охрович и Краснокаменный не отвлекают, дают высказаться, может, оно действительно чем-то важно?

И до Попельдопеля медленно доходит, докатывается даже, как будто просачивается сквозь беруши, о чём вещает старец. Приехали (приехали, со старопэтэбэржским-то акцентом), мол, в Бедроград (Бэдроград, дореволюционный сосед Попельдопеля тоже так говорил), прямиком на истфак, мол, через всю страну эхали, мол, раньше таились, нэ высывались, а тэпэрь врэмя настало, мол, свэт истины донэсти.

Свэт истины. Сумасшедшие со старцем приехали, фанатики? А выглядят пристойно, ничего дурного не подумаешь.

«Под зэмлэй жили, зэмлю эли, никому нэ показывались, а кому показывались, тот под зэмлю уходил. Мэсто под зэмлэй эсть святое, всэ жэртвы, всэ люди — святому мэсту, ничэго святого кромэ мэста и нэ осталось, всё разрушэно, до послэдняго камня разобрано, по травэ да по стэпи разбросано, ногами да годами утоптано».

Мэсто. Под зэмлэй. *Вот оно что.* Попельдопель ведь уже поверил, что покойники не брешут: Дима показывал совершенно обалдевшим Попельдопелю с Шухером фотоснимки — тёмные, зернистые, вспышка всё равно не вытянула. Гуанако на обороте схем чумы чертил эту махину в разрезе, дорисовывал стрелочки — воздушные потоки, грунтовые воды.

Но ни один из покойников и словом не обмолвился о том, что *там* живут люди! Не могут жить, это же безумие, это большее безумие, чем всё остальное безумие!

«Зэмля схоронила, зэмля укрыла и приютила, но всэго нэ укроэш, под зэмлэй нэ спрячэш, а чэго нэ спрячэш, тому одна судьба — быстрый нож да злыэ надзэмныэ вэтры. А как избавишься, так и войдэш нэузнанный под зэмлю тайными дорогами скопцов».

Дорогами скопцов.

Скопцы.

Подземные скопцы с их тайными дорогами.

Крепко ругаться Попельдопель себя отучил сто лет назад — когда читаешь лекции и тем более торчишь в лаборатории со студентами, привычка крепко ругаться очень мешает. Но...

НО СКОПЦЫ БЛЯДЬ!

СКОПЦЫ СКОПЦЫ СКОПЦЫ

Скопцы, леший их еби.

— Гуанако, — вцепился Попельдопель в покойника, куда тот не убежал.

Второй покойник после краткой рекогносцировки как раз-таки убежал вместе с Охровичем и Краснокаменным: дела, чума, привлечение студентов (ха-ха, со скопцами-то привлекать эффектней!),

всё понятно — но как же поговорить? Попельдопель, между прочим, видел, как покойники общались с делегацией скопцов. И как те чуть на колени не попадали, тоже видел.

— Гуанако, скажи мне только одну вещь, — спросить Попельдопель хотел не одну вещь, а много и разных, но сейчас голова и так шла кругом. — Если вы там были, если вы разгуливали по их долбанному святилищу, как, леший еби, они вас не сожрали живьём, закусив земелькой? Или не оскопили... — Попельдопель вдруг серьёзно задумался. — А если оскопили, то как выпустили обратно?

— Ну... Дима вот обаятельный, — пожал плечами Гуанако и метнул свой бандитский нож строго вверх, в революционное чучело Метелина. Нож сверкнул в воздухе, даже, кажется, свистнул и аккуратненько шлепнулся обратно, рукояткой прямо в подставленную ладонь. С расстрельной рубахи Метелина осыпались три, а то и четыре пуговицы, обнажив макет революционной груди.

— А поподробнее?

— Попельдопель, — Гуанако говорил тихо, косясь на вновь запёртую завкафскую дверь, — ты же знаешь вроде, что я диплом не на науке и технике защищал. Диплом у меня — специалиста по истории религии. И все последние десять лет своей загробной жизни я с интересом выясняю, что мне его даже не зря выдали. Наверное, и правда специалист.

Попельдопель тоже покосился на завкафскую дверь, за которой скрылся Максим (опять занят Онегиным, а не делом?), вспомнил, что невозмутимо отправившийся расселять скопцов Ларий оставил на подпись тысячи бумаг для создания иллюзии совместного проекта медфака с истфаком (когда только успел составить?), и вздохнул.

— Ладно. Но имей в виду: когда всё это закончится, я вытрясу из тебя производственные религиозные тайны.

Тайна чумы в Бедрограде на тайны истории древнего мира, отличный обмен для ничего не подозревающих студентов!

Пока Попельдопель штамповал подписи над секретарским столом, Гуанако с каким-то совсем уж странным лицом пялился на ровный ряд томов собственного ПСС, занимавших самое видное место в самом

видном кафедральном шкафу. Семьдесят шестой год, издано посмертно, составитель Онегин Г.Е.

— Знаешь, я же их придумал, — неожиданно усмехнулся Гуанако. — Подземных скопцов-то. Курсовик писал, на третьем, что ли, курсе. Окончательный разгром Империи, двенадцатый век, вся эта жуткая суматоха по обе стороны Урала. У Империи же были элитные войска скопцов — таких совершеннейших отморозков для точечных ударов, там сложная история, откуда всё это пошло.

Попельдопель даже что-то знал про имперских боевых скопцов, с час назад ведь как раз вспоминал давнее гуанаковское наставление не путать скопцов, скопников и оскопистов — но перебивать не стал, решил послушать.

— Эти элитные войска, когда Империя уже того, ещё малость порезали тех, кто под руку попался, а потом пропали. Растворились. Основная версия из учебников — массовое ритуальное самоубийство, командования-то больше не было, делать нечего. А я выебнулся, выдвинул и обосновал гипотезу, что они, спасаясь от суровых русских витязей, бежали в степь, наткнулись на место падения Башни, имперской святыни незапамятных времён. Ну и обосновались там, под землёй. Башня — она же хуй, ёбанный стержень имперского сознания. Самое то для скопцов, чтобы осесть, раз Империя закончилась. Я на третьем курсе доказывал, что они там окончательно ёбнулись, сформировали собственный культ на основе того, что раньше было, попохищали неудачливых степняков для поддержания демографических показателей и загнулись лет за сто, — Гуанако помолчал. — А они не загнулись. Нихуя ж себе, вообще-то говоря.

Не ругающийся крепко Попельдопель был абсолютно согласен: нихуя ж себе.

Несколько сотен человек, Гуанако говорит — около тысячи, в долбаном Вилонском Хуе. Который Имперская Башня, который легенда о первой победе над Империей.

Ни один нормальный человек в неё не верит, только дети и те, кто свихнулся на истфаке.

Студенты будут сражены наповал!

Потому что невозможная Башня из древних летописей таки существует, а в Башне — скопцы, жрут себе землю и приносят жертвы.

Если они почти не выходят на поверхность, что у них творится с обменом веществ? Что у них вообще может твориться с обменом веществ, если они скопцы, гормональный фон-то и так нарушен, а тут отсутствие солнечного света, состав воздуха, специфический режим питания и леший знает что ещё. Вон какие худые, половины зубов нет, глаза слезятся и кожа обгорела только так, пока в Бедроград ехали. И что, простите, у них с головой происходит, если случайно пойманные (и оскоплённые!) люди массово оттуда не сбегают?

Попельдопель поймал себя на рисовании какой-то очередной схемы неизвестно чего — видимо, обмена веществ. Конечно же, на бумагах Лария.

— Слушай, — бумаги Лария надо бы убрать подальше, а то Попельдопель сейчас разойдётся, — я, конечно, совсем другого профиля специалист, но твои скопцы — это клад какой-то. Специалисты нужного профиля бы вообще рехнулись от восторга. Расскажи хоть, что они жрут на самом деле?

— Что-что. Насекомых, грызунов, корешки всякие несъедобные. Мох выращивают и плесень. Изысканная кухня!

— А... — любопытству Попельдопеля пришлось умерить аппетиты, потому что на кафедре таки вернулся Ларий, сказал, что Гуанако бы сейчас поговорить где-то там в конференц-зале с Ройшем, Ройш желает каких-то подробностей из жизни Порты.

Короче, Попельдопелю пришлось в одиночку оправдываться по поводу изрисованного документа.

Хороший мальчик Ларий улыбнулся, махнул рукой, вытащил предусмотрительно заготовленную папочку с копиями всей этой макулатуры и заварил чаю с мягким пряным запахом, начисто отбивающем все мысли о мхе и плесени в грязных плосках скопцов.

Пока Ларий колдовал над чайником с трогательным орнаментом из жующих козлов (у них на кафедре вообще на них какое-то тихое помешательство, книжку даже издавали — «Всемирная история козлов»), Попельдопель в который раз подумал, что Ларий-то выглядит помладше Максима, хоть они и однокурсники. Весёлый, кстати, был

курс: и тебе экстремизм, и контрреволюционное движение, и последствия экспериментов с гормональных фоном у новорождённых детей, и теперь вот — гэбня. А Охрович и Краснокаменный (все из того же выпуска, будь он неладен) — так вообще легко сольются со студентами, если захотят.

Это всё от нервов, кто больше нервничает — тот быстрее стареет.

Что в очередной раз доказывает, что вечные выкрутасы Онегина — сплошная театральная студия. Страдал бы столько, сколько изображает, — видел бы в зеркале свои неполные сорок, а то и что похуже.

А покойники, например...

— Юр Карлович? — тронул его за плечо Ларий.

Что-то Попельдопеля унесло. Наблюдения на предмет соответствия людей их реальному возрасту его всегда уносят — производственная, леший её, травма.

— Я подписал, я всё понял, конспиративную легенду выучил, с медфаком договорюсь, — оттараторил Попельдопель. Хороший мальчик и чайник у него с козлами, но не стоит забывать, что Ларий не просто секретарь кафедры, а так, между прочим, голова гэбни. С головами гэбни лучше не зевать.

— Я не к тому, — Ларий гостеприимно достал печенье, придвинул чашки. — Вы ведь понимаете, что люди, которые будут с нами сотрудничать со стороны медфака, должны быть надёжными?

Мысль о Шухере, глубоко запрятанная среди скопцов и легендарных башен, вернулась.

— Конечно же, мы отдельно поговорим с каждым, кого вы сочтёте нужным подключить к процессу, но не хотелось бы дополнительных сложностей. И, конечно же, выбор между профессионализмом ваших сотрудников и потенциальными сложностями с ними стоит делать в пользу профессионализма, у нас такая ситуация, заразу лечить — не дрова колоть, — ободряюще улыбнувшись, Ларий раскрыл портсигар и протянул его Попельдопелю. — Но вы уж предупреждайте о сложностях отдельно и побыстрее, ладно?

Портсигар облагодетельствовал Попельдопеля терпким вкусом, чуть пощипывающим язык. Хорошие папиросы — весомый аргумент в

беседе. На останках изрисованного документа Попельдопель написал «Шухер Андроний Леонидович. Покойники?».

Кивнув, Ларий налил ещё чаю.

— Я слышал, будет расследование, ну, на высшем уровне, — очень захотелось вдруг Попельдопелю перевести тему. — Наша теперешняя деятельность нас не выдаст? Формула лекарства от искусственно созданной болезни, вся эта секретность с изготовлением?

— Расследование *должно быть*, — Ларий вздохнул в направлении завкафской двери. Сегодня все на нее косятся! — Максим с позапрошлой ночи обивает соответствующие пороги, но Ройш говорит, что, раз сразу на запрос не среагировали, ждать нечего.

А, так значит, вот чего Ройш ходит с мордой даже гаже, чем обычно. Наслаждается производственным пессимизмом! Потому что если запрос не прошел...

— Как так нечего?! — всполошился Попельдопель. — Наш запрос не приняли, выходят, примут их запрос? Бедроградской гэбни, в смысле. В смысле, если они его вообще пошлют, потому что они же собирались слать, когда всё будет плохо, а плохо не будет, мы всё знаем и даже лекарство сделаем в нормальных объёмах...

— Юр Карлович, вы успокойтесь. Мы делаем что можем, но есть немалая вероятность того, что фаланги вообще не среагируют.

— Но как? Эпидемия! — Попельдопелю стало очень, очень не по себе.

— В нашем запросе значит, что заражению собирались подвергнуть *один дом*, и мы это заражение *пресекли*. Нет никакой эпидемии, Юр Карлович, — Ларий неопределённо качнул головой и встал зачем-то, книжки по местам порасставлять ему вздумалось. — И чтобы Бедроградская гэбня не посылала никаких своих запросов и никто на них не реагировал, эпидемии и дальше пусть не будет. Будут совместные проекты медфака с истфаком, практика медфаковских старшекурсников и другие совершенно безопасные — по сравнению с эпидемией — вещи.

Попельдопель сам сегодня с утра говорил, что нет никакого толку жаловаться наверх, но это он так, в запале, а если на самом деле наверху

всем всё равно — чума в Бедрограде, не чума, сделают лекарство, не сделают — страшно же получается!

Ларий изучил насильственно распахнутую рубаху чучела Метелина и полез было разыскивать под столом пуговицы, но наткнулся на взгляд Попельдопеля, в котором сейчас плескалось столько недоумения и возмущения, что пуговицам пришлось подождать.

— Воротий Саныч как-то... вы, кстати, загляните к нему по возможности, ему ведь скучно без Университета, — Попельдопель мысленно согласился с Ларием.

Воротий Саныч — человечище, обязательно надо зайти! Не забыть бы.

Ларий тем временем продолжал:

— Так вот он, ещё когда сам был завкафом, объяснял нам, что фаланги наблюдают за грызнёй гэбен и вроде как почти её поощряют. Но не вмешиваются, сколько могут не вмешиваться — не вмешиваются. Воротий Саныч говорил, что со стороны это, конечно, странно, но на деле вроде как даже хорошо: гэбня должна быть самостоятельной единицей. Брать всю ответственность на себя и не бегать к старшим уровню доступа с каждой проблемой. В принципе не думать, что от старших можно что-то получить в плане помощи. И это может нравиться или не нравиться, Воротию Санычу, например, не нравится, но гэбни были задуманы именно так.

Попельдопель посмотрел на Лария совсем уж ошалело, и тот, наконец, сообразил:

— А, вы не в курсе. Воротий Саныч много-много лет был в Университете полуслужащим, задолго до появления Университетской гэбни. То есть *формально* полуслужащим с *формальным* девятым уровнем, поскольку работал прямо на Бюро Патентов. Кое-какие процессы он понимает, наверное, лучше нас.

Что за день такой? Куда ни плюнь — срываются покровы. Воротий Саныч, пока завкафствовал, пахал как лошадь. Потом, конечно, Гуанако появился, и они вдвоём всю учебную и научную часть на себе тащили, но чтоб у Воротия Саныча даже тогда было время (и силы!) ещё и Бюро Патентов служить? Ничего себе.

— Ларий, подожди, — Попельдопель выслушал доклад про то, как были задуманы гэбни, и учуял там какой-то подвох, — ведь весь этот план Бедроградской гэбни как раз и есть форменное «побежать к старшим». Кто же их послушает, если оно всё так?

— Нет, «побежать к старшим» как раз будет, если *мы* вдруг напишем ещё один запрос: что у *нас* в канализациях эпидемия авторства Бедроградской гэбни и *мы* не справляется. Из-за нехватки лекарства, людей, денег, чего-то ещё. Отчасти на это их план и рассчитан: что мы поздно заметим и ничего уже не сможем сделать, кроме как броситься наверх. Неважно даже, к фалангам или к медикам: если официально попросим о помощи Медицинскую гэбню, всё равно получится, что всё за нас сделают они, а мы ничего не сделаем, будем стоять и смотреть, потому что возможностей у нас никаких, — Ларий озабоченно хмурился. — А сами они, Бедроградская гэбня-то, рассчитали верно: они у нас в канализациях найдут вирус, вылечат тех, кто заразился по нашей вине, решат все проблемы и только потом пойдут к фалангам и медикам докладывать. И то, официально — только потому что о чрезвычайных ситуациях положено докладывать, а неофициально — потому что для карательных мер, передела власти и расформирования Университетской гэбни нужны фаланги.

Стоп-стоп-стоп, хватит, столько политики разом не вмещается в голову Попельдопеля, она не для того над благородно зеленеющим костюмом болтается! Она для вакцин и сывороток, ну и ещё для того, чтобы придумать, как завтра так отправить студентов по районным поликлиникам отлавливать пациентов с тяжёлым ОРЗ, чтобы никто не догадался, чем мы тут занимаемся и чем в этом сезоне примечательно тяжёлое ОРЗ.

Хотя кое-что он во всей этой политике уловил. Или, наоборот, не уловил:

— Но тогда получается, что на наш нынешний запрос не отреагировали как раз потому, что он тоже... ну, немного несамостоятельный? Они напакостили, мы поймали за руку, спасите-помогите... Ой, извини, это не моё дело, вы начальство, вам и решать, просто...

Ларий нахмурился ещё больше, взял в руки чайник с козлами, поставил обратно, снова взял. Козлы продолжали жевать.

— Да вы всё правильно говорите, Юр Карлович, — говорил Ларий не с Попельдопелем, а с этими самыми козлами. — Спасите-помогите, поймали за руку. К тому же поймали недостаточно эффективно, важную запись на диктофон не сделали — нечем впечатлять фаланг. Ройш говорит, без той записи им недостаточно весело показалось. А вообще-то не в записи дело, просто нет же для фаланг никакой чрезвычайной ситуации и эпидемии, чего им дёргаться и лезть в нашу песочницу?

Попельдопель вспомнил, что в их песочнице только что нарисовалась Имперская Башня, и с некоторым ужасом от собственной аморальности по отношению к жителям зачумлённого Бедрограда осознал: неплохой ведь расклад. Фаланги, диктофоны — это всё как-то нечестно, это не про то, кто быстрее и сообразительней, не про то, у кого фантазия богаче и смелости хватит, а про скучную бюрократию. Может, оно и к лучшему, что не реагируют?

Ларий помолчал-помолчал и добавил:

— Знаете же, гэбня всегда говорит «мы» и всегда на публику отстаивает одну позицию, общую. Но это ведь не значит, что у голов гэбни нет частных мнений? Их не принято высказывать, в ряде ситуаций это вообще должностное преступление, но полуслужащий — удобная должность, мало аспектов взаимодействия с полуслужащими регламентировано достаточно чётко. И раз уж, Юр Карлович, вы наш полуслужащий и вся эта беседа ведётся вне всяких протоколов, вот вам *моё*, а не *наше общее* мнение: к лешему фаланг, сами разберёмся. Не ответили на запрос — всё, проехали, сейчас есть и другие дела, кроме обивания порогов.

Именно на этой полной решимости ноте завкафская дверь слабо заскрипела (прямо как Онегин, когда страдает) и явила миру грозный лик Максима. Его очи метнули в Лария молнии принудительного оптимизма.

— С фалангами ещё ничего не закончено. Не возьмут так не возьмут, но пытаться будем до последнего.

Ларий с готовностью кивнул — мол, конечно-конечно, с этим никто и не спорит. Максим ещё немного поклубился у двери, убедился в отсутствии саботажа и выдохнул.

Попельдопелю вообще-то нравилась его обычная спокойная уверенность — не всепоглощающая, а как раз нормальная такая, человеческая. Человек, который не кидается в каждую подвернувшуюся авантюру, но зато, взявшись за дело, делает его последовательно и до конца.

Вообще-то нравилась, и сейчас было понятно, что на Максиме лежит прорва дел (Онегин, например, ага), но внутри всё равно зудело. Даже если отдать оформление всех бумаг Ларию с Ройшем, нужны шприцы, халаты, инструктаж старшекурсников-медиков, койки, перестановка в лазарете, пижамы, выгнать всех от аппаратуры для синтеза, кровавая твирь, наконец...

И всё — срочно, и всё — в кошмарном количестве.

Хорошо хоть успел решиться вопрос, откуда: Попельдопель наконец сообразил, что у Университета есть покойник Гуанако, а у покойника Гуанако есть Порт. А у Порта, как известно, есть всё.

Полчаса назад, во время обсуждения плана с гэбней, покойник Гуанако говорил об этом с совсем не такой уверенностью, какая обычно бывает у Максима, но тоже убедительно. Даже поубедительней, наверно. У него не спокойная, а, наоборот, вдохновляющая какая-то уверенность: у Порта есть всё, прорвёмся.

Но даже если всё необходимое есть и будет, надо побыстрей нестись на медфак, надо...

— Юр Карлович, ещё одно дело.

— Ммм?

Так, выключить бессмысленную беготню, Попельдопель не один в этом всё замешан, и ему вовсе не обязательно быть во всех местах одновременно.

— Не могли бы вы осмотреть Габриэля Евгеньевича? Ему, кажется, нехорошо.

Ну здрасьте-приехали.

Максим очень хороший человек, но у него проблемы с приоритетами.

— Тут такое дело... позавчера он... получил удар по голове. Возможно, несколько. А поскольку, как вы знаете, у Габриэля Евгеньевича и так слабое здоровье...

...он сейчас, конечно, возлежит на своей кушетке, закатив глаза, и видеть никого не желает. Попельдопель ещё немного помычал.

С другой стороны, снять с шеи Максима вечного страдальца в нынешних обстоятельствах было бы крайне уместно.

— Это я его ударил, — не к месту покаялся тот. — На факультете сейчас сами знаете что происходит. Не хотел, чтобы его зацепило, а он не вовремя вошёл. Глупо, конечно. Теперь-то я понимаю, что лучше бы Габриэлю Евгеньевичу всё рассказать — он имеет право знать, да и ещё один человек. Должен же кто-то лекции читать, пока мы все тут бегаем!

Кому читать-то?

Онегин действительно полулежал на кушетке (развели кушетки в завкафском кабинете! Попельдопель вот тоже завкаф, а не выпендривается), спрятав лицо в руках и волосах. Вид у него был измятый и потёртый, ещё бледнее обычного. Чем леший не шутит — может, и впрямь в кои-то веки совсем заболел?

Как он вообще на ногах ходит, с такой-то медкартой. Даже сам Попельдопель не разберёт, что в ней настоящее, что успешный спектакль с хватаниями за сердце, а что просто так, в подарок приписано.

Кожа бледная, мучнистая, пульс неровный. Зрачки реагируют на свет с опозданием. Конечности вялые. На просьбу встать и пройти по прямой линии отреагировал невнятным снисходительным жестом — мол, оставьте это. Просьбу коснуться пальцем кончика носа выполнил с третьей попытки. Повышенная температура отсутствует. Жалуется на головную боль и звон в ушах.

Так и есть, всё как по учебнику — сотрясение мозга средней тяжести. По-хорошему надо бы его определить в стационар, но какой сейчас стационар, медфаковскому лазарету только Онегиных не хватало. И вообще, он же всё время как с лёгким сотрясением — может, у него в организме нехватка спинномозговой жидкости?

— Постельный режим и покой. Отвезите его домой, уложите в постель. Лучше поить снотворным и поддержать так дней пять.

Максим посмотрел на Онегина глазами человека, который не может понять, хорошо вышло или плохо. И чего тут думать, и так всё ясно — если всё сложится как надо, лекции читать всё равно будет некому (в смысле — у студентов найдётся занятие поважнее), а Онегину лучше ни у кого под ногами не путаться.

А если не сложится, то кого вообще волнует Онегин!

— Ничего страшного, просто нужно отлежаться.

Максим неловко подёргал галстучный узел.

— Хорошо. Я сам не хотел его волновать. Выдастся момент — расскажу...

Жалко Максима. Носится с Онегиным как с писаной торбой, а тому только подавай внимания. Попельдопель неодобрительно пофырчал.

Вроде бы всё и ладно, все довольны, только когда завкаф и замзавкаф так заняты своими неоднозначными взаимоотношениями, на работе кафедры это сказывается так себе. Если не вспоминать о том, что сейчас важна даже не работа кафедры, а кое-что посерьёзнее. Условия типовой задачи с госа про скорость распространения заражения ещё не полностью прояснились, да только уже пора бы заканчивать с решением и получать ответ. А тут, понимаете ли, Онегин Максима деморализует, тьфу.

— Спасибо вам.

Пожалуйста-пожалуйста.

Всё, вот теперь можно включать бегательный режим: возвращаться на медфак, готовить до поздней ночи оборудование, материалы и (ох леший!) людей к тому, что нас всех ждёт. Правда, сперва стоит сунуться посмотреть, чего там Дима. У него ж в анамнезе, небось, самое публичное выступление — какой-нибудь случайно непрогулянный доклад перед своей группой, а тут весь истфак! Объявления уже давно сделали (это на кафедре науки и техники, разумеется, внутреннее радио злонамеренно сломано, а так отголоски слышно было), так что должно быть как раз в разгаре.

Попельдопель тряхнул головой, четырежды повторил про себя исцеляющую молитву для трудоголиков («пока можно и отдохнуть, ничего за полчаса не случится») и вышел с кафедры истории науки и техники.

Ответ:

Главный актовый зал истфака — огромное помещение высотой в два этажа, полное воздуха и удивительного порядка. Всё такое светло-деревянное, что даже в пасмурный день кажется, будто из окон пробивается солнце. Ряды стульев амфитеатром, невысокий подиум, огромные (колоссальные прямо!) доски, умеющие ездить вверх-вниз. Микрофон, несколько стоящих в ряд столов, небольшая кафедра — выбирай по вкусу.

Дима выбрал столы, на которых и сидел, поджав ноги без ботинок и снова демонстрируя канареечные носки сомнительной свежести.

Зато «вот обаятельный».

И очень маленький — отсюда-то. Актальный зал в части, противоположной доскам, венчался небольшим балконом, галёркой, куда вели двери из нескольких аудиторий — в том числе и с кафедры истории науки и техники. На балконе жирно колосился весь цвет истфака: вон развалился на кресле и потливо дышит завкаф новейшей и современной истории, как бишь его; блаженный историк математики и философии оперся на перильца и созерцает распластанную по потолку йихинских времён ещё гигантскую люстру; Ройш, прямой, как незубочисточных габаритов флагшток, молча встал прямо посреди прохода и смотрит на всё с кислой миной... никакого, в общем, спасения. Ларий где-то в первом ряду, поддержать выступление, если что. Охрович и Краснокаменный в зале же со страшными лицами блюдут студенческую дисциплину (это у них что, правда хлысты в руках?).

Попельдопель отчаянно забегал глазами и успокоился, только когда обнаружил в самом углу, у окна, покойника Гуанако. Тот сидел на паркетном полу балкона спиной к подиуму и невозмутимо курил в форточку.

Он бы наверняка хотел выступать вместе с Димой (Башню-то вдвоём нашли!), но куда тут выступишь, когда твоя рожа на каждом томе собрания сочинений. Никакие отросшие волосы не спасут.

Димина рожа, вообще говоря, тоже небезызвестна — портрет на медфаке при входе висит, разве что чёрно-белый, без очков и седины поменьше. Всё из-за его не очень рабочей, но так драматично придуманной аккурат перед смертью иммунной сыворотки от степной чумы. Но Диме, кажется, всё равно, он и в Столицу Дмитрием ездил, и здесь тоже. Нынче Борстен, спасибо кафедральному русско-немецкому словарю (потому что «ну у всех же медиков немецкие фамилии, иначе не бывает»). Бывший студент медфака, после пятого курса всё бросил и уехал в степь лечить коров и собирать травы, случайно наткнулся на подземные ходы и попал в Башню. Вот, вернулся рассказать и организовать туда нормальную экспедицию.

Создать из небытия Дмитрия Сергеевича Борстена, выпускника кафедры вирусологии, кстати, тоже предполагалось Попельдопелю.

Он ещё немного неодобрительно помычал.

— Знаете, чем опасны сенсации? Они, как ни странно, привлекают внимание. Расскажи сегодня, что Вилонский Хуй, он же Имперская Башня, существует, да ещё и обитаем — завтра там уже не протолкнёшься. Редчайшие скопцовские породы мха вытопчут подчистую. У меня есть фотографии, есть даже настоящие хужители и один честно прихваченный артефакт. Этого, в принципе, уже достаточно, чтобы войти в любимую вами науку историю. Только это, хоть и очень круто, не главное. Главное — поступить истинно по-имперски, то есть выжать из Башни всё что можно, пока она не набита желающими доверху. Скопировать тексты, взять пробы, изучить местную культуру и культуры — ну, сами понимаете.

Попельдопель подошёл к покойнику Гуанако, на всякий случай встал так, чтобы получше закрыть его спиной от всех прочих обитателей балкона — больше половины этих людей с ним работали, кое-кто его учил, да и вообще — светило, идеолог, все дела. Они, конечно, не смотрят по сторонам, они всецело поглощены Хуём и грядущей экспедицией в Хуй (какая удача, что он всё-таки есть, что нашли его только и именно сейчас, да ещё и те, кто нужно!), но мало ли.

— Бдишь?

Гуанако кивнул, затанулся и негромко ответил:

— Проверяю знание предмета и ораторские навыки. Он же никогда лекций не читал.

Вот, и Попельдопель уже успел об этом подумать.

— Я путаю, или он в аспирантуру даже собирался? — накатило вдруг на Попельдопеля что-то большое, ностальгическое и прямо-таки пронзительное, хоть сопли вытирай.

— Собирался. И уехать с Охровичем и Краснокаменным в Афстралию собирался, искать там что-нибудь похожее на историческое развитие общества — чтобы дикие земли, дикие люди и плотоядные козлы.

— А в результате и диплом не успел защитить, — ностальгическое и пронзительное атаковало Попельдопеля с такой силой, как будто Дима был ему не полужнакомым студентом с чужого факультета, где у него всего один модуль, а как минимум родным сыном.

— Он потом передо мной лично защищал, — улыбнулся чему-то своему Гуанако, — на казённой печатной машинке дописывал.

Гуанако повернул ладонь тыльной стороной и продемонстрировал Попельдопелю перстни, которые тот и сам уже заметил. Перстней было три штуки, все три — затёртые, исцарапанные и совершенно одинаковые. То есть не совсем одинаковые: тяжёлые круглые бляшки из какого-то желтоватого сплава вместо камней — это же выломанные клавиши печатной машинки! Складываются в слово «хуй», во что они ещё могут у Гуанако складываться?

— Какие нынче казённые машинки. Это ж дореволюционная модель! — Попельдопель чуть не присвистнул.

— А то. Большому начальнику когда-то принадлежала, — Гуанако очень внимательно взгляделся в буквы. — И ссудили мне её в непрофильное пользование благодаря ещё большей протекции.

— Хорошо живёшь! Жил, в смысле... В смысле, извини. Нет, правда, извини, не подумал, вряд ли это называется «хорошо», если я правильно понял, о чём речь, — Гуанако только беззаботно отмахнулся, но Попельдопелю всё равно было как-то неловко за смороженную глупость, и он без задней мысли сразу же сморозил следующую. — Ты скучаешь по всему этому? Ну, Университет, кафедра, лекции...

— ...сворачивание студентов, ты хотел сказать! — затушив сигарету, Гуанако всерьёз задумался. — Вот знаешь, никуя не скучаю. Наоборот, я

тут позавчера изо всех сил скучал по тому, как оно было в последние десять лет.

— А что изменилось-то?

— Уже ничего, уже вернулось обратно, — вот невозможный человек, от всего сегодня отмахивается! — А потом вообще звонок Шапки, угроза эпидемии — я ведь не собирался ни в какую политику вписываться, но когда такая хуйня творится, как тут не впишешься?

Тут Попельдопель его очень хорошо понимал: столько проблем, столько проблем, все справляются кое-как, мочи нет смотреть — надо просто пойти и самому всё сделать!

Город от чумы вылечить, например.

— И сделать я это предлагаю — конечно, вам! — крайне уместно, буквально прочитав мысли Попельдопеля, заявил в микрофон Дима. — Ну, не совсем я, даже совсем не я, а руководство истфака и медфака. То есть это, исторического и медицинского факультетов. Сам я хоть что-то про историю знаю на уровне обывателя, сдававшего экзамен на третьем курсе с похмелья, но, кажется, со мной приключилось крупнейшее открытие в области вашей дисциплины за последние... не знаю, за всё время. Настоящий Вилонский Хуй, населённый настоящими скопцами, потомками... эээ, духовными потомками специальных имперских отрядов скопцов-смертников. Которые возродили некую древнюю религию, которая может быть изначальной человеческой. И медикам тоже повезло, на дне Хуя — бесконечное количество неизученных бактерий, культур и вирусов.

— Гонореечка, — буднично прокомментировал Гуанако, и кто-то из студентов в зале тоже, видимо, пошутил на тему, прокатилась волна хохота, Дима поправил очки на носу и ответил в том же духе, старательно симулируя профессиональный врачебный юмор.

Попельдопель похвалил его про себя, а Гуанако с тщательно скрываемой гордостью похвалил вслух:

— Неплохо же держит внимание аудитории, зря Охрович и Краснокаменный хлысты расчехляли. И так все слушают.

Куда они денутся — сенсация-то ого-го, наглядное подтверждение реальности легендарных событий! Империя действительно была когда-то гораздо мощнее, чем нам известно по её поздним дням, и первый раз

она рухнула на колени, когда рухнул под землю Вилонский Хуй — удивительное сооружение, чудо света, басенка для детей и психов.

Университет на репутацию в академических кругах не жалуется, даже на международном уровне, но после такого открытия его первенство вообще никто и никогда оспорить не сможет. И для студентов заманчиво — экспедиция на неисследованный объект, и какой объект. Сплошное веселье вместо нудной учёбы.

Вот только экспедиция не раньше, чем через полгода, и это ещё если всё утрясётся у Университетской гэбни и Бедрограда заодно, а пока...

— Что медику радость, то простому человеку проблема. Ехать в Хуй просто так, без подготовки — нельзя. Ну, насчёт теории — это не ко мне, хотя все участники, наверное, обростут какими-нибудь дополнительными спецсеминарами. Но нужно ещё и пройти не самые приятные медицинские процедуры, и прямо сейчас. Потому что, сами понимаете, сомнительные бактерии, культуры, скопцы, в конце концов, — ещё покусают... все медицинские опасности, которых душа пожелать может. Так что вам светят осмотры, прививки и обширная сдача анализов. Прямо сейчас — потому что нужно создать у всех участников иммунитет ко всему и от всего, а он за два дня или даже неделю не отрастёт. Страшная гадость все эти медицинские штуки, скажу я вам, но зато какие перспективы открывает!

Попельдопель был посвящён в детали плана по конспиративной добыче крови, которая пойдёт в лекарство, ещё когда они с покойниками заседали у него на кафедре вирусологии. Но сейчас, слушая Диму, он опять поразился, как всё аккуратненько складывается, вообще ведь не подкопаешься: Имперская Башня, внезапно обнаруженная во степи (то есть, конечно, *под* степью), держать её Университету нужно пока в тайне, чтоб никто со стороны не прибежал на всё готовенькое, брать со студентов подписку о временном неразглашении производственной информации тоже нужно.

А то, что вместо обычных прививок добровольцев подвергнут издевательствам с аллергией на твирь и последующей выработкой у них в организме антител к чуме, нависшей над городом, — это ещё пойдти разгляди за научными сенсациями, священной историей Империи и скопцами. Да и то, подумаешь, болезненные процедуры с твирью. Твирь

— уникальное растение, есть только в степи, и Вилонский Хуй есть только в степи. Степняки одной сплошной твирью веками лечатся, да ещё савьюром, — медики в курсе, что все эти травы входят в жуткое число лекарств, разве что называются в рецептах по-имперски, чтоб никто не догадался. Так что ехать в степь к полному неведомо каких бактерий и вирусов подземному Хую, предварительно накачавшись твирью, — это очень и очень реалистично. Скорее всего, даже на самом деле почти осмысленно.

Хорошо сошлось.

Не знал бы Попельдопель, какой аврал и паника тут у гэбни с этим заражением Бедрограда, подумал бы, что специально всё так подстроено — делегация скопцов вот неведомо откуда взялась как раз тогда, когда от неё больше всего толку.

Хотя кто ж такой кошмар подстраивать будет?

— Как вы можете догадаться, всё это страшно секретно, потому что — помните про опасность сенсаций, да? — Дима спрыгнул со стола канареечными носками точно в пустующие ботинки и подошёл вплотную к первому ряду студентов. — Процедуры, повторяю, неприятные, несколько дней пролежите в стационаре — то есть тут, в лазарете на койке. Будете страдать, плакать, молить о пощаде и болью зарабатывать право поучаствовать в экспедиции. Нам нужны, гм, только самые преданные науке истории. Дополнительная учебная нагрузка тоже — то ещё удовольствие. Но зато половину следующего семестра сможете провести в — настоящем! существующем! — Вилонском Хуе. В общем, подумайте хорошенько. Приглашаются только студенты с исторического и медицинского факультетов. Ну, пока что. Желающие могут записаться прямо здесь, у Лария Валерьевича. Теоретически считается, что в итоге в экспедицию отберут только *самых* умных, но это фигня. Там столько, простите за выражение, пространства для исследований, что поедут все, зуб даю. Может, не в один этап. Для записавшихся в аудитории № 10б выступают живые скопцы, а также фотки Хуя и один честно стыренный артефакт. Незаписавшиеся — извините — продолжают обучение по расписанию. Так, всё сказал? Всё. Эээ. Как там полагается — вопросы?

Вопросы были. В зале поднялся гул, кто-то сразу рванул к Ларию, другие просто тянули руки или выкрикивали с места. Дима честно

пытался ответить всем и поддержать иллюзию научного мероприятия, но потом плюнул, бросил микрофон на стол и погрузился в пучину чёрных студенческих мундиров — прямо так, не зашнуровывая ботинок. Рядом с ним мелькнула девочка Шухера (если Попельдопель, конечно, её ни с кем не путает), подёрнула Диму за закатанный рукав и была услана всё к тому же Ларию. Некоторые студенты, особенно те, что постарше, кучками шушукались или громко спорили, но никто — никто! — не вышел из актового зала.

Некоторым людям просто бессмысленно везёт, и все эти люди почему-то так или иначе оказываются в Университете.

Ну в самом же деле! Работал себе покойник Дима в Медицинском корпусе и горя не знал. Потом бац! — опасные планы Бедроградской гэбни, а он тут как тут. Удача. Гуанако так вообще позавчера с корабля сошёл, и вот — у Университета есть помощь Порты. Удача. И Хуй, и неожиданные скопцы...

Удача, удача, удача.

Надеяться на неё не стоит, но она всё равно приходит.

Если бы не она — поимела бы вконец обезумевшая Бедроградская гэбня разруху в городе. Или как минимум (но ничуть не лучше) — Университетскую гэбню, и ходили бы все бледные, с вытянутыми рожками и бесконечными бумажками. А так — веселье, тайные операции, поездки в степь и секретное производство лекарства от чумы из студентов.

И ещё — скопцы, которых не стоит путать со скопниками и оскопистами.

СКОПЦЫ!